

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

на «ПЕТЕРБУРГСКУЮ ГАЗЕТУ»
съ безплатнымъ приложеніемъ еженедѣльнаго
журнала «НАШЕ ВРЕМЯ»:

	на годъ.	6 м.	3 м.	1 м.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Всѣмъ доставкамъ	7 50	4 50	2 50	— 90
Съ доставкою				
на домъ въ				
С.-Петербургѣ	9 —	5 —	2 75	1 15
Съ пересылкою				
по всѣмъ городамъ				
Россіи . . .	10 —	5 50	3 —	1 15
За границу. .	16 —	9 —	5 —	2 —

ГОДЪ

XXXIX-й

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГАЗЕТА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

ЕЖЕДНЕВНО

ТЕЛЕФОНЪ Редактора «Петербургской Газеты» № 850.
Типографіи «Петербургской Газеты» № 850.

ТЕЛЕФОНЪ Редакціи «Петербургской Газеты» № 5885.

Статьи и замѣтки для газеты должны быть доставляемы съ подписью, адресомъ автора и съ обозначеніемъ условія гонорарія.

Безплатными считаются статьи, на которыхъ условія не обозначены. Статьи по почтѣ не возвращаются.

Большія статьи сохраняются мѣсяцъ, малѣйшіе, принятые не удобными къ печати, уничтожаются.

Контора и редакція

помѣщаются въ Симеоновской улицѣ, близъ Литейной, противъ церкви Святаго Симеона, домъ № 5.

Контора открыта съ 9 до 4 часовъ.

Праздничные дни съ 9 до 3 час.

Объявленія съ редакторомъ-издателемъ въ редакціи ежедневно съ 1 до 3 час. пополудни.

Кто его открылъ?

(Къ сегодняшней годовщинѣ смерти Чехова).

Кто его открылъ? кто открылъ чеховскій талантъ? Я наблюдалъ, какъ этотъ вопросъ деликатно сквозилъ во многихъ воспомина- нияхъ, статьяхъ и замѣткахъ объ А. П. Че- ховѣ. Кто этотъ Колумбъ?

Съ достовѣрностью можно было только сказать, въ какихъ изданіяхъ началась лите- ратурная дѣятельность Чехова, но немыслимо опредѣлить, кто именно открылъ его!

Почему? да потому, что чеховскій талантъ самъ себя открылъ! появился въ печати кро- шечный отрывокъ, подписанный псевдонимомъ, и въ этомъ пустякѣ талантъ далъ уже себя почувствовать. Затѣмъ этотъ талантъ началъ пробиваться самъ, какъ ручеекъ среди горы, не стѣняясь никакими переградами.

Критика укажетъ на талантъ, обратитъ на него вниманіе, создастъ ему пышную оправу, но только потому, что онъ талантъ, самъ за- явившій о себѣ.

Для меня всегда представляются странными даже косвенные, отдаленные намеки на от- крытіе таланта, особенно когда они долетаютъ съ разныхъ сторонъ.

Гдуть ли эти люди, приписывающіе себѣ открытіе таланта? Нѣтъ, и ихъ рассказы о первыхъ шагахъ таланта интересны, заслужи- ваютъ вниманія, огласки, какъ біографиче- скія подробности для характеристики писа- теля.

Дѣлать же выводы объ «открытіи» таланта —это наивно, дѣтски наивно. Это все равно, что уподобиться Бобчинскому и Добчинскому и спорить, кто сказалъ первый «э!».

— Я первый сказалъ, что Чеховъ та- лантъ!

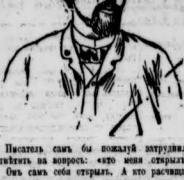
— Нѣтъ, первый сказалъ это Иксъ Икс- вичъ.

— Первый, кто открыл его, был Илья Зотовыч!

И так далее, до бесконечности, но из этих споров об открытии, но из этого рождается сомнение собственной заслуги пред обществом.

С другой стороны, только привалясь к открытию литературного таланта составляют большую и интересную приятность для читателей.

Получается поэтому, когда прислушавшись к голосам, впечатлитель, что литературный талант знаменитого писателя открыли несколько человек и чуть ли не одновременно, потому что речь идет о начале деятельности.

Писатель сам бы пожалуй затруднился ответить на вопрос: «кто меня открыл?»

Он сам себя открыл. А кто расчищал дорогу, кто открывал страницы своих изданий для таланта—другое дело. Это вовсе не открытие, а скорее виртуальная оценка таланта, уплата ему должной дани. Кто первый крикнул громко, но всеуслышание «это талант»—дождаться мудрено; таких было, вероятно, тоже не мало среди людей литературных, чутких и проникновенных.

Говоря не о Чехове, но обобщая вопрос о претензиях, хотя бы и скромных, на открытие талантов, приходишь к выводу, что открытие смешивать с известным поощрением, что да, с помощью, давшей возможность таланту выбиться на свободную дорогу.

Таланты заявляют о себе самолично, и честь тем, которые признают его, заговаривать о нем искренно. Но тот же Антон Павлович Чехов сдвинулся бы таким Антоном Павловичем Чеховым, какому знает теперь его русское общество, и без чужих мнимых помочей.

Таланты, и такой поразительно скромный в смысле мнения о самом себе, как Чехов, разумеется, окружал себя людьми по своему выбору, людьми, к которым питал уважение и симпатию, с которыми делился мыслями, сочувствовал и которые искренне ценили его, как человека и писателя, не помышляя о том, что они оказывают какую-то услугу ему. У Чехова не мало было таких близких друзей, но все они увлекались его талантом, а не открывали его.

В литературных биографиях часто читаешь, что такой-то писатель первый открыл талант такого-то. Это заключение биографов и очень редко—признание факта самим писателем, благословенным чейнибудь талант. Первым общественным такое благословение заслуга, но нельзя утверждать, что именно этот писатель открыл талант и никто больше. Может быть, и другие чувствовали этот талант и указывали на него.

Допускаю, наконец, что есть исключения: не поради молодой талант на глаза какого-нибудь корифея, он бы, при неудачно сложившихся обстоятельствах, стаб! Если он сам заявляет, что всем я обязан такому-то, он первый меня оценил. Пусть это будет открытие.

А вот когда сегодня слышал, что Чехова открыл тот-то, потом другой, потом третий—то становится очевидным, что он сам себя открыл, сам показал себя читателю и читатель также открыл его.

Читатель может смело сказать: «я и открыл его и стал читать постоянно, восхищаясь его глубоким, художественным талантом».

Представьте себе маленькую сцену, предшествующую, и вы поймете, как забавно она звучит.

— Чехова собственно открыл я,—сказал N,—случилось это при следующих обстоятельствах. Я был на пароходе финляндского общества на острова, и рядом со мной сидел молодой, симпатичный человек, оказавшийся потом доктором Чеховым. Мы познакомились, разговорились с ним, и вскоре он дал мне прочесть свой маленький рассказ. Я прямо сказал ему—вы талант! Я открыл его...

— Позвольте—поправил X,—позвольте, уж если говорить об открытии, то я раньше определял чужой талант... Прежде чем пойти на острова, Чехов прибыл из Москвы и мы с ним обилились еще на вагоне Николаевской дороги. Я прочел напечатанный им тогда первый рассказ и пришел из восторга. Талант, непосредственный, глубокий талант! воскликнул я. Вы не смейте зарывать его в землю! Я прочел этот рассказ целому кружку приятелей.

Третий узнал Чехова и его талант еще в Москве и т. д. До верного, воскликнувшего «это талант», не доходясь.

Оттого-ли, что Чехов всего год, как умер, но особенно часто доносится слухи об его литературных крестных отцах. Слыхом много из, и если из печати этот вопрос только порою чувствуется из разных воспоминаний, то общественное мнение с естественным любопытством интересуется им.

Ищу того, о котором ничего определенного и сам Антон Павлович сказать не мог. Думаю, что он очень редко, и в начале деятельности особенно, относился чересчур к набогистам своего таланта. Из писем его ясно определяется взгляд на свои произведения: то он пишет, что послал в газету маленький рассказ, то говорит, что пишет скучную повесть и пр.

Если бы ему и лужали из уст, что он огромный талант, он бы забывал это сейчас же, не вспоминая, кто сказал это первый.

Я вспоминаю о литературных крестных отцах Антона Павловича сегодня, в печальный день для нашей литературы, в день смерти Чехова.

Всякий, кто прочел хоть самую маленькую из человеческих вещей, даже раннего периода его творчества,—тот и открыл его талант, если конечно этот читатель не был чужд литературе и чувствовал талант.

А. Плещинский.